

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-138-161

УДК: 316.286

Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная дискуссия

Волков В.В.

Институт философии и социологии Латвийского университета
(Рига, Латвия)

Воротников В.В.

Московский государственный институт международных
отношений (МГИМО-Университет) МИД России (Москва, Россия)

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Стариков А.Д.

Информационное агентство Baltnews, МИА «Россия сегодня»
(Москва, Россия)

Аннотация: Материалы научной дискуссии содержат основные идеи, высказанные российскими и зарубежными участниками международной научной дискуссии на тему: «Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии». Дискуссию провел Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). Исследования коммуникационных режимов, проведенные НИИРК на основе авторской методики, выявили в Латвии, Литве, Эстонии: жесткое регулирование всех сегментов коммуникации и содержания информации, в том числе и органов самоуправления (имевших возможность самостоятельного выстраивания контактов, например, в приграничных регионах); выборочный контроль участников коммуникации под предлогом обеспечения информационной безопасности, особенно СМИ и НПО; стремление к консолидации общества на основе артикулирования угроз национальной идентичности и угроз

этнонациональному самосознанию; доминирование в информационном дискурсе российской угрозы национальной безопасности; сознательная политика сужения русскоязычного информационного, образовательного и социализирующего пространства; неполноценная включенность в европейский информационный дискурс и выборочное соблюдение принципов ЕС в отношении коммуникации и информации (кодекс практик в отношении дезинформации); начало уплотнения коммуникационного пространства альтернативными акторами, проявившимися в результате недоверия действующему правительству и в результате невозможности реализовать свои потребности. Во время дискуссии обсуждено: институционализация страновых коммуникационных режимов, роль исторически сложившихся и современных практик в Латвии, Литве, Эстонии; акторные модели коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии; роль политических институтов, массмедиа, институтов гражданского общества и бизнеса в формировании коммуникационных режимов; особенности коммуникационных режимов в отношении отдельных групп населения, СМИ, соседних стран.

Ключевые слова: коммуникационный режим, политические коммуникации, Латвия, Литва, Эстония, информационная безопасность, информационная политика, медийное пространство, массмедиа, политическая коммуникация, историческая травма

Об авторах:

ВОЛКОВ Владислав Викторович. Доктор социологии. Ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета. ORCID: 0000-0001-9593-2641. Адрес: LV-1050, Латвия, г. Рига, бульвар Калпака, 4, E-mail: vladislavs.volkovs@inbox.lv.

ВОРОТНИКОВ Владислав Владиславович. Кандидат исторических наук. Директор Центра европейских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России; Руководитель Центра прибалтийских исследований, Институт Европы Российской академии наук. Адрес: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76. ORCID ID: 0000-0003-3374-5677, E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com.

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; Заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22/1, komleva@nicrus.ru.

СТАРИКОВ Андрей Дмитриевич. Главный редактор Информационного агентства Baltnews, МИА «Россия сегодня». Адрес: 119021, Россия, Москва, Зубовский бульвар, 4, стр. 1, 2, 3, E-mail: info@baltnews.lt.

Коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии: основные выводы по результатам сравнительного исследования (Комлева В.В.)

Введение

Коммуникационные режимы до недавнего времени оставались на периферии научного осмысления, так как признание глобализации как основного тренда общественного развития способствовало росту исследований, аргументирующих становление мирового коммуникационного и информационного порядка. К тому же термин «режим» получил в общественных науках некий негативный контекст, заданный в западных исследованиях политических систем и культур.

Актуальность исследования страновых коммуникационных режимов, проводимого Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций, обусловлена как минимум следующими причинами:

- необходимостью поиска каналов и инструментов оптимизации международных коммуникаций в условиях обострения международной конкуренции;
- необходимостью научного понимания участившихся практик общественно-политических дестабилизаций и конфронтаций;
- необходимостью поиска возможностей взаимодействия с субъектами формирования коммуникационных режимов для налаживания диалога и сотрудничества.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили системный, институциональный, конструктивистский подходы, теории информационного общества и коммуникаций. Концептуальные подходы и методология исследования была описана нами ранее (Гасумянов, Комлева 2020), в первом номере журнала «Россия и мир: научный диалог», где шла речь о коммуникационных режимах как социально-политических феноменах (Комлева 2021). Методика эмпирического исследования была описана в научном докладе,

размещенном на сайте НИИРК¹. Исследование было проведено в период января–октября 2021 года. В ходе исследования было обработан массив нормативных правовых актов, материалы общественно-политического дискурса, проанализированы политические решения и актуальные практики коммуникаций, а также материалы и интервью экспертов. Для понимания социокультурных особенностей региона был проанализирован ряд исследований, в частности недавно опубликованное интересное исследование переформатирования Балтийского региона в XVI–XIX веках и особенностей постбифуркационного включения социума в другую социальную систему (Баракхостов 2021). Среди политологических исследований отметим исследования П.Е. Смирнова. Он утверждает, что «несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х годов происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым» (Смирнов 2020: 26).

Результаты исследования

Проведенные исследования показали, что после выхода из состава СССР коммуникационные режимы в Латвии, Литве, Эстонии формировались весьма причудливым образом. С одной стороны, были признаны все документы ЕС в отношении прав и свобод человека, равного доступа лиц всех национальностей, языков и религий к информации, образованию, рабочим местам. С другой стороны, формировался свой подход к построению коммуникационных основ общества. Этот подход основан на дифференциации общества на «эстонцев», «латышей», «литовцев» и «неэстонцев», «нелатышей», «нелитовцев», а также на отрицании того позитивного, что имели республики в период вхождения в состав СССР, например, в части экономического и культурного развития. Со временем антироссийская риторика ужесточилась, и в настоящее время в рассматриваемых странах мы имеем достаточно жесткий внутренний коммуникационный режим и малодружественный режим в отношениях с Россией. Нельзя сказать, что это полностью враждебный режим, так как есть сферы гражданских коммуникаций, в которых сотрудничество возможно.

1 Коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии. URL: <https://nicrus.ru/analytics>.

В последние годы были созданы механизмы жесткого контроля информационного поля. Сравнение законодательства и политических практик за последние пять лет показывает тенденцию к усилению режима контроля за содержанием информационных сообщений и развитием сетей гражданских коммуникаций. Институты власти в Латвии, Литве, Эстонии, устанавливая общие принципы коммуникационных режимов, одновременно вводят ограничения в отношении некоторых акторов коммуникации. Отмечается усиление выборочного контроля за СМИ и узлами коммуникации, в частности за русскоязычным сегментом коммуникационного пространства стран.

Кроме того, обновление коммуникационных режимов нередко контрастирует с реальной практикой. Руководство стран обновляет правила коммуникации, нередко ломая устоявшиеся, все еще актуальные практики. В частности, это касается деятельности русскоязычных НПО, социальных медиа, образования, СМИ, моделей участия местного самоуправления во внешних коммуникациях и коммуникациях со СМИ. Для прекращения воспроизводства русского языка используется технология сужения русскоязычного образовательного пространства и выведения английского языка и языков ЕС на роль первых иностранных языков. Однако игра в «русский вопрос» сознательно поддерживается всеми участниками, так как позволяет набирать голоса на выборах (во многом именно на «русском вопросе» строятся выборы в рассматриваемых странах) (Комлева 2020).

Несмотря на детальное законодательное регулирование коммуникационного пространства, в настоящее время институциональная структура коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии представляет собой противоречивое сочетание реальных практик, новых законов, сознательного конструирования исторических травм (поиска виновных в ретроспективе, назначение их преемника и требования его наказания сейчас), которые используются для консолидации общества. Однако такой подход способствует сохранению раскола в обществе. Кроме того, он усиливает «слепую зону» коммуникационных режимов, в которую уходят нежелательные для власти акторы коммуникации. Таким образом формируются непубличные альтернативные каналы общественного влияния (в том числе и русскоязычные), роль которых будет расти в альтернативном сегменте общества (на фоне фиксируемого низкого общественного доверия к официальным СМИ Латвии и Литвы – и чуть лучше ситуация в Эстонии).

Как и в большинстве изученных нами стран постсоветского пространства, социальная инженерия коммуникационных

режимов Латвии, Литвы и Эстонии содержательно основана на секьюритизации национальной идентичности и национального языка. Вопросы идентичности анализировались латвийскими учеными неоднократно, но с других позиций. Например, с позиции возможности совмещения либеральной концепции интеграции общества в Латвии с признанием ценности коллективной идентичности этнических меньшинств (Волков 2012). Наше исследование показало, что проблемы идентичности формулируются с точки зрения угроз. Обществу транслируется потенциальная опасность потерять референтные и особо ценные объекты – язык, память о прошлом, символы этничности. Объясняется, что без этого не может существовать независимое общество и суверенное государство. С этими целями корректируются правила коммуникационного режима. В условиях международной (и даже региональной) невостребованности латышского, литовского и эстонского языков такая практика поддержки своего языка, вероятно, оправдана с точки зрения задач политических элит. Но процесс сопровождается жестким секвестированием практик использования русского языка как угрожающего латышской, литовской, эстонской идентичностям. В Эстонии относятся с осторожностью и к распространению английского языка.

Последствия такой секьюритизации ранее описывались нами на примерах других стран. Латвия, Литва и Эстония – не исключение. Используя технологию секьюритизации, правительства этих стран сами радикализируют общество, актуализируя тему угроз в информационной повестке. Секьюритизация идентичности практически выводит эту проблему из области нормативной политики и придает ей статус чрезвычайного приоритета. Это позволяет ставить проблему выше установленных норм и правил или же менять нормы и правила под решение этой проблемы. Защитники идентичности, борясь с «угрозой», получают негласное право не соответствовать правилам, потому что они защищают самое ценное для общества и государства – идентичность. Радикализация становится реальной, когда секьюритизирующие субъекты претендуют на получение права использовать любые средства для остановки «угрожающего» развития событий. Результатом этой технологии становится легитимация политики дискриминации и исключения. Анализ общественно-политического дискурса и стратегических документов Латвии, Литвы и Эстонии показывает, что главной угрозой объявлена Россия и связанные с ней сегменты коммуникационных режимов – русскоязычные СМИ, образование, русский язык, русские сообщества и др.

Секьюритизация идентичности в перспективе может спровоцировать раскол и между самими странами (Латвией, Литвой, Эстонией), потому что в ходе такого «нациестроительства» и этнонационализма подчеркивается особенность именно своего народа. Все страны подчеркивают свой особый путь, особый национальный характер, свою особую роль в регионе, таким образом способствуя формированию «культурного превосходства» одного народа над другим. Такая политика фрагментирует социальное пространство Латвии, Литвы, Эстонии, этно- и социокультурно сепарирует друг от друга народы этих стран. Конструирование коммуникационных режимов вокруг угрозы идентичности провоцирует проблемы внутри самого общества, а именно – повышение конфликтности с населением другой национальной и языковой принадлежности.

Акторная модель коммуникационных режимов имеет выраженное доминирование правящих политических акторов. Именно их видение коммуникационного пространства оформляется в определенный тип коммуникационного режима. В настоящее время для этого процесса характерен лоббизм групп узких интересов, которые определяют правила коммуникации. Эти правила и принципы поддерживаются проправительственными СМИ и рядом национальных НКО (особенно этнокультурной направленности). В сложившемся коммуникационном пространстве альтернативными акторами являются RT и Sputnik и ряд информационных агентств. Негативное отношение руководства стран к RT и Sputnik, по мнению ряда экспертов, стимулирует общественный интерес к этим медиа.

Изначально мы предполагали, что акторная модель указанных стран многоуровневая по причине вхождения в общее информационное пространство ЕС. Однако исследование показало, что рассматриваемые страны конструируют коммуникационные режимы, не всегда и не во всем руководствуясь принципами ЕС. Эксперты отмечали невысокие рейтинги и влияние «Евроњьюс».

Акторами коммуникационных режимов являются и НПО, большая часть которых финансируется из-за рубежа. В целом они не оказывают существенного влияния на правила коммуникации, но все же формируют свои сегменты в коммуникационном пространстве.

В ходе исследования нами были выявлены «слепые зоны» коммуникационных режимов, то есть те особенности, которые не видны на фасаде режимов и не заметны в публичном дискурсе.

Латвия, Литва, Эстония, несмотря на относительно долгую историю партнерства в ЕС, до сих пор не вписаны в европейский контекст по своей политической культуре, которой свойственна локальность, ксенофобия, политическая закомплексованность.

Парадоксально, но Латвия, Литва, Эстония до сих пор слабо включены в общее информационное пространство и информационный дискурс Европы.

Сложившиеся коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии недружественны не только в отношении России, но и малодружественны в отношении ЕС, несмотря на экономические связи и политическую зависимость этих стран от ЕС. Особенно явно эта (изначально скрытая) характеристика коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии проявляется в миграционной политике и позиции в общеевропейском миграционном кризисе.

Конструируя акцентуированные национальные идентичности, Латвия, Литва, Эстония не смогли сформировать и полноценную многоуровневую европейскую идентичность своих граждан (к тому же в настоящее время европейская идентичность сама испытывает кризис).

Особенностью «слепой зоны» коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии является ее постепенное уплотнение альтернативными акторами коммуникации, в том числе в виртуальном пространстве. Но, с другой стороны, такая ситуация создает благоприятные предпосылки для развития горизонтальных дружественных коммуникаций с зарубежными странами по линии общественной дипломатии.

Обсуждение

Отражение институционально закреплённых параметров межэтнической коммуникации в Латвии в практиках индивидуальных акторов (Волков В.В.)

Межэтническая коммуникация рассматривается как вид социальной коммуникации «между людьми различных культур» (Rogers et al. 2002, p. 5, 7), присутствует и в бытовой, и в публичной сфере. Ее объектами выступают разнообразные ценности, связанные с удовлетворением насущных потребностей людей и обеспечивающие воспроизводство национально-политической и культурной жизни страны в целом и этнокультурной идентичности ее жителей в частности. «Включающий» характер межэтнической коммуникации способствует укреплению гражданской и национальной солидарности и формированию ценностей, общих для этнического большинства и меньшинств, в том числе уважения к этнокультурной коллективной идентичности последних (Kim 2006,

р. 284, 291; Taylor 1994, 25-59). Немаловажную роль при этом играет равноправие участников коммуникации, взаимное позитивное признание этнических идентичностей друг друга (Хабермас 2000, 139-170, 199, 202) и восприятие сложившихся межотношений как справедливых (Rawls 2005, 60-61, 126-134). Демократическая интеграция мультиэтнического общества невозможна без постоянно возобновляемого коммуникативного дискурса между носителями различных идентичностей (Козн, Арато 2003, 457-485, 495). Альтернативой демократической интеграции мультиэтнического общества являются ее националистические варианты, при которых наблюдается воспроизводство статусных различий в идентичностях этнического большинства и меньшинств (Wirth 1956, 237-238).

Межэтническая коммуникация протекает в рамках установившейся социетальной системы, выступая одной из важнейших ее функций. Весомо значение параметров такой коммуникации в общественных системах с ярко выраженными этническими и культурными различиями, с институциональным разделением на этнонациональное большинство и этнические меньшинства, которое постоянно пропагандируется в общественном сознании. Государство, подчеркивающее теснейшую связь своего национального характера, направленности нациестроительства и государственной политики национальной идентичности с ценностями этнонационального большинства, формирует и реализует нормативную модель межэтнической коммуникации между этим этнонациональным большинством и этническими меньшинствами. Особенно востребована нормативная модель межэтнической коммуникации в таких национальных государствах, в которых в среде этнических меньшинств очень высока актуализация собственной коллективной этнокультурной идентичности, ценностей исторической памяти, политической мобилизации и т.д. Посредством отбора информации, структурирования и ранжирования ценностей нормативная модель межэтнической коммуникации транслирует и воспроизводит базисные характеристики национальной государственности в поведении и сознании групповых и индивидуальных акторов, затушевывая, маргинализируя или напрямую запрещая ценности и способы альтернативных форм межэтнической коммуникации. Поэтому важнейшей функцией нормативной модели межэтнической коммуникации выступает воспроизводство в общественном сознании представлений о различии социальных статусов идентичности этнонационального большинства и этнических меньшинств как отражения сложившейся этнонациональной стратификации общества. Во многих

постсоветских государствах различия этих статусов приобрели символические и политические различия социолингвистических функций государственных языков и языков этнических меньшинств.

Латвия исторически является многокультурной и многоэтнической страной с большой долей этнических меньшинств. На 2020 год удельный вес этнических меньшинств среди всего населения составлял 39,5% (819,3 тыс. человек). При этом общей характерной особенностью многоэтничности является высокая доля русского населения среди всех нелатышей Латвии – 64,2%². К тому же русские (как и балтийские немцы, поляки, евреи) обладали устойчивыми культурными традициями задолго до провозглашения независимости этих государств в 1918 году, что сформировало важнейшие компоненты коллективной этнокультурной идентичности этих этнических групп (Фейгмане 2000; Apine, Volkovs 1998).

Латвийская государственность по конституции является «национальным государством латышской нации» и «латвийского народа», который состоит из латышей и этнических меньшинств, которые имеют право на сохранение своей этнокультурной идентичности³. В других важнейших законодательных актах также подчеркивается различие общественно-политической ценности идентичности латышей и представителей этнических меньшинств. В «Законе о гражданстве» (1994) автоматически гражданами ЛР признаются только латыши, как представители «государственной нации» (*valstsnācija*) и автохтоны ливы (2020)⁴. В «Декларации об оккупации Латвии» (1996) говорится о «необходимости ликвидировать последствия оккупации», к которым относились и «сотни тысяч мигрантов», с помощью которых «руководство СССР... стремилось уничтожить идентичность народа Латвии»⁵. «Закон о государственном языке» (1992, 1999) фиксирует различную степень ответственности государства в отношении латышского языка («сохранение, защита и развитие») и языков этнических меньшинств («право на использование родного языка») и «расширение влияния латышского языка... для стимулирования быстрой интеграции общества»⁶. «Закон об образовании» (1998) определяет латышский в качестве языка получения образования в государственных, муниципальных и частных учебных заведениях, сохраняя право использования языков

2 Подсчитано по: Iedzīvotāju reģistra statistika... 2021.

3 Latvijas Republikas Satversme 2021.

4 Pilsonības likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums>.

5 Deklarācija par Latvijas okupāciju. URL: <https://likumi.lv/ta/id/63838-deklaracija-par-latvijas-okupaciju>.

6 Valsts valodas likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/14740-valsts-valodas-likums>.

этнических меньшинств в дошкольных учебных заведениях и в начальной школе, которые реализуют одобренные министерством «программы образования этнических меньшинств»⁷.

Программы некоторых политических партий правящей коалиции («Нового Единства» и «Кому Принадлежит Государство») не содержат даже самого упоминания о наличии в Латвии этнических меньшинств⁸. В то же время в программе радикального «Национального объединения», состоящего в правительственной коалиции, родной язык русского населения Латвии упоминается в негативной коннотации⁹. В предвыборную программу «Союза зеленых и крестьян», находящегося в оппозиции, за который голосует в основном латышский избиратель, в последнее время стало включаться положение о необходимости уважения к праву этнических меньшинств на сохранение языка и культуры¹⁰. В партийных программах правительственных «Новой консервативной партии» и партии «Развитие/За!» заявляется о необходимости государству создавать условия для «включения этнических меньшинств в латышский язык, культуру, мировоззрение при сохранении их языка и культуры». Но в основном этнические меньшинства рассматриваются как социальные группы, которые необходимо активно включать в пространство «латышского языка, культуры и мировоззрения»¹¹. Или в некоторой вариации предлагается «обеспечить всем детям обучение на латышском языке и возможность освоить часть учебного материала билингвально на языках этнических меньшинств и языках ЕС»¹².

«Согласие» – единственная партия, представленная в латвийском парламенте, но ни разу не принимавшая участие в правительственной коалиции, в своей программе акцентирует групповые этнокультурные ценности этой части населения (необходимость «обучения языкам традиционных национальных меньшинств Латвии в рамках системы образования», «использование языков национальных меньшинств в общении с институтами государства и самоуправлений в местах, где национальные меньшинства проживают традиционно или в значительном количестве, за применение норм Всеобщей конвенции о защите национальных меньшинств в полном объеме и отзыв оговорок

7 Izglītības likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums>.

8 Krišjāņa Kariņa Programma Latvijas izaugsmei. URL: <https://www.vienotiba.lv/programma-latvijas-izaugsmei/>.

9 4000 zīmju programma. URL: <https://www.nacionalaapvieniba.lv/velesanas-kampanas/13-saeimas-velesanas/4000-zimju-programma/>.

10 Latvijas Zemnieku savienība. URL: <https://www.lzs.lv/par-mums/lzs-programma>.

11 Jaunās konservatīvās partijas programma. URL: <https://konservativie.lv/2014/05/17/jaunas-konservativas-partijas-programma/>.

12 Attīstībai / Par! priekšvēlēšanu programma 13. Saeimas vēlēšanām. URL: <https://attistibaipar.lv/programma/pilna>.

(деклараций), сделанных при ратификации конвенции» (Программа... 2021)¹³.

Хотя в кратком варианте Программы той партии «4 тысячи знаков», обнародованной к парламентским выборам 2014 года, вообще не упоминалось наличие в стране этнических меньшинств¹⁴.

Автор статьи в течение последних лет провел несколько социологических исследований¹⁵, данные которых показывают, что коллективное и индивидуальное сознание, а также индивидуальные практики латышей и представителей этнических меньшинств воспроизводят институционализацию иерархии различных статусов этих групп как субъектов межэтнической коммуникации. Так, например, для респондентов характерно умаление значения информации о решении проблем, касающихся этнических меньшинств. Особенно это касается латышей (Таблица 1).

Таблица 1

Необходимость увеличения информации о решении проблем этнических меньшинств в латвийском обществе, %
The need to increase information on solving the problems of ethnic minorities in Latvian society, %

	Хи-квадрат	Латыши	Русские
СМИ	(2, N=944) = 40,33, p < .001	41,3	64,2
Коммуникация представителей власти с обществом	(2, N=944) = 48,47, p < .001	33,5	58,4
Коммуникация политических партий с обществом	(2, N=944) = 39,74, p < .001	34,9	57,6
Коммуникация НПО с обществом	(2, N=944) = 27,22, p < .001	37,6	56,4
Коммуникация ученых с обществом	(2, N=944) = 31,64, p < .001	33,0	52,9
Система среднего образования	(2, N=944) = 20,04, p < .001	40,9	57,2
Система высшего образования	(2, N=944) = 28,53, p < .001	38,3	57,6
Коммуникация религиозных организаций с обществом	(2, N=944) = 41,45, p < .001	27,4	49,4

13 Программа социал-демократической партии «Согласие». URL: <https://saskana.eu/ru/saskana-socialdemokratiskas-partijas-programma/#p-3-3>.

14 "Saskaņa" sociāldemokrātiskā partija. SVK. URL: sv2014.cvk.lv.

15 "Patterns of Dispute and Dispute Resolution as Elements of Popular Legal Culture", N=578 (2014–2016); "Gender, Culture and Power: Diversity and Interactions in Latvia and Norway", N=1003 (2014–2017); "The role, place and self-understanding of ethnic groups in Latvia: discourse of XX century", N=1008 (2018–2021).

Респонденты по-разному оценивают значимость влияния этнической принадлежности на жизнь человека в Латвии (Таблица 2).

Таблица 2

Влияние этнической идентичности на жизнь человека в Латвии, %¹⁶
The impact of ethnic identity on human life in Latvia, %

Идентичности	Все	Латыши		Русские			
	Позитивное	Позитивное	Нейтральное	Негативное	Позитивное	Нейтральное	Негативное
Латышская	63,6	60,8	36,8	2,3	69,3	28,8	2,8
Русская	40,2	39,7	48,9	11,4	41,2	44,1	14,3
Белорусская	36,8	35,1	60,0	4,8	39,9	50,7	9,5
Польская	37,4	35,1	61,4	3,4	41,8	52,3	5,9
Литовская	41,1	38,9	59,2	1,8	45,4	51,3	3,3
Еврейская	30,8	29,0	58,7	12,4	34,0	55,6	10,5
Цыганская	16,3	14,8	40,0	44,9	19,3	35,0	45,8

Наблюдается и снижение значимости универсальной моральной регуляции в обеспечении межэтнической коммуникации на индивидуальном уровне, своего рода этнизация этического. Например, для преодоления конфликта на рабочем месте, если он произошел между латышами и русскими, только 51,4% латышей и 44,9% русских признали, что руководствовались теми же моральными принципами, что и при решении конфликта с представителями «своей» этнической группы.

Таким образом, данные репрезентативных социологических исследований последних лет в Латвии свидетельствуют о том, что институционально закрепленные параметры межэтнической коммуникации реализуются в практиках индивидуальных акторов как распространенные представления о различии социальных статусов латышей и этнических меньшинств как субъектов этой коммуникации. Правда, глубина такой реализации все же зависит от этнической принадлежности респондентов (у латышей – более явно, чем у русских). Воспроизводство различий статусов этнокультурных групп, прежде всего национального большинства и этнических меньшинств, проявляется в общественном сознании в целом, а также в коллективном сознании этнических групп как в когнитивной, оценочной, так и регулятивной составляющей межэтнической коммуникации.

16 См. более подробно: Волков, Полещук 2019.

Когнитивная составляющая – маргинализация информации о недоминирующих этнических группах как реальных или потенциальных субъектах равноправной межэтнической коммуникации.

Оценочная составляющая – распространение представлений о недоминирующих этнических группах как носителях менее ценной коллективной этнической идентичности, чем у национального большинства, для успешной социальной мобильности и успешной социальной интеграции.

Регулятивная составляющая – сужение сферы действия, а также значения регулятивной силы универсальных моральных норм в межэтнической коммуникации.

Обсуждение результатов исследований (Стариков А.Д.)

Если посмотреть на коммуникационные режимы стран Прибалтики в ретроспективе, то точка их отсчета – становление их новой постсоветской государственности. Многие исследователи, публицисты, характеризуя содержание, которое было положено в ее основу, называют этот процесс отрицанием позитивного советского опыта. Если мы посмотрим на данный процесс с правовой точки зрения, то это тоже полное его отрицание. Между тем в соответствии с принципом континуитета или правовой преемственности, на основе которых и появился, по существу, институт «неграждан», советский период из истории этих стран не может выбрасываться.

Фактически в Прибалтике происходит не отрицание советского опыта, а его противопоставление, что мы наблюдали в 1991 году. Если раньше акцентировали внимание на «отрицании» (книга Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия», следовательно «Прибалтика – не Россия»), то сегодня это определение представляется очень мелким. Точнее данный процесс характеризуется определением, которое использовал Президент России В.В. Путин в своей статье, посвященной Украине («антиРоссия»). В основу новой государственности Латвии, Литвы, Эстонии был положен тезис об «антиРоссии»: противопоставление всему советскому, следовательно российскому, как правопреемному опыту. Это относится и к празднованию 9 мая, и к заложенным в советский период основам языковой политики. Импульсом к агрессивной языковой политике стал миф о русификации прибалтов в период их нахождения в СССР. Хотя, конечно, это мифология. Навязывается доктринальная установка о русификации. А

административное изменение состава прибалтийских республик представляется как насильно навязанное советским руководством. Негативные эмоции вызывают у нас и героизация лиц, участвовавших в войне на стороне гитлеровской Германии, национальных формирований СС в Риге и ряд других моментов. Это все выстраивалось на антитезе, на противопоставлении России. То есть изначально происходило формирование содержания этих политических систем как коммуникационных режимов. Кто был инициатором этого содержания? Тоже дискуссионный вопрос.

Во многом на появление такого пакета нарративов повлияла послевоенная миграция, которая уже в постсоветский период формирования этих государств активно участвовала в военно-политическом процессе. Более того, роль этой послевоенной эмиграции их потомками недооценена: как в ретроспективе, так и на сегодняшний день. Я вспоминаю саммит НАТО 2014 года, когда принималось решение о создании батальонов в Прибалтике. Я обратил внимание на то, какую поддержку по части лоббизма оказывала латышская диаспора в США, встречаясь с конгрессменами, сенаторами для того, чтобы на саммите НАТО эти позиции и необходимость в присутствии военных сил Североатлантического альянса в странах Прибалтики были воплощены в политические решения. Это касается и культурного, и гуманитарного измерения. Пару лет назад мне попадалось письмо латышской иммиграции к Парламенту Латвии с просьбой достроить пристройку к Музею оккупации. Парламент рассматривал тогда много документов. Мы считаем, что появление музеев оккупации – это вклад в пакет нарративов под названием «антиРоссия». Примечательно, что иностранных дипломатов, которые прибывают в Латвию, Литву, Эстонию, водят в Музей оккупации, в котором даже устраиваются «вечера» антироссийских анекдотов.

Подобные нарративы с подачи иммигрантских кругов были имплементированы в актуальный политический процесс и в дальнейшем оформлялись законодательно, становились частью практик коммуникации. В Латвии появляется законодательство о запрете сомнения в советской оккупации. Появилась формулировка «запрещено отрицание и грубая тривиализация советской оккупации». Подобное мы имеем и в Литве. Более того, появилась новая мифология – «борьба за независимость». В этой связи мы также можем вспомнить период Литовской ССР, «национальных фронтов», как менялось содержание их программ, как впоследствии были зафиксированы события, которым было затем придано сакральное значение: стояние на баррикадах в Латвии, события в Вильнюсе. Сомневаться в официальной версии событий 13 января в Вильнюсе запрещено

законом, и это преследуется. Самый известный кейс литовского политика Палецкиса «Свои стреляли в своих» стал «политическим мемом». За это Палецкис был лишен государственных наград и преследовался законодательно.

Этот пакет нарративов с 1991 года устанавливался, укреплялся, имплементировался в законодательные нормы, политические программы. Но если мы рассмотрим период с 1991 по 2014 год, то именно с 2004 года (вступление Прибалтики в НАТО и ЕС) мы получили новое измерение, новое содержание этих коммуникационных режимов, которое внедрялось не сразу, а с некоторой инерцией. Прибалтика стала искать свою роль в системе «распределения труда» в ЕС, свою роль в системе внешнеполитической коммуникации. Какую услугу мы можем продавать? Чем мы можем быть полезны? Конечно, и ранее формировалась ось Вильнюс–Вашингтон, Рига–Вашингтон. США в документах были сразу определены как ведущий союзник, в том числе внешнеполитический. Но дальше в качестве бонусов, получаемых из своей роли, выбрали «навязывание экспертных услуг по коммуникации с Россией», как три «славные» страны, в которых политики говорят: «Мы эксперты по России, мы будем обучать вас, как с этой Россией жить».

Это привело к тому, что прибалтийские страны лишились правосубъектности, ведь Вашингтон стал «обкомом КПСС», который определяет, что делать Риге, Вильнюсу, Таллину, где есть посольства США, которые расскажут, как следует жить. Это взгляд ложный, а система коммуникации возникает обратная: сами прибалтийские страны предлагают и навязывают пакет услуг по коммуникации с Россией. К этой ситуации точно подходит метафора «хвост виляет собакой». Они создают образ, артикулируют, предлагают рецепты и пытаются продать их НАТО, США, Брюсселю, получив соответственные финансовые, дипломатические, военные бонусы за свои услуги. Именно в 2004 году эта роль стала оформляться, поэтому в любых конфликтных отношениях РФ с соседними странами (1-й, 2-й украинские майданы, конфликтные отношения с Грузией и т.д.) страны Прибалтики стали активно выступать на стороне антироссийских сил в этой конфликтной коммуникации, поддерживали их, предлагали свои практики, которые с 1991 по 2014 год были отработаны. Есть научная публикация о том, как выстраивались общие подходы к обеспечению американского политического лидерства в Балтийском регионе ввиду необходимости «сдерживания» России (Смирнов 2020).

Латвийская сторона активно консультировала коллег на Украине. Украинский закон 2019 года «Об обеспечении функционирования

украинского языка как государственного» – это абсолютная калька с латвийского закона. В общем, с 2004 года мы видим активное усиление политического консультирования. Латвийские представители попали в Европарламент. Если мы посмотрим документы антироссийского характера в ЕП, то среди их составителей мы всегда найдем прибалтов и поляков. Это предложения по списку санкций, резолюции по пересмотру отношений с Россией.

С 2014 года внешнеполитическое позиционирование прибалтийских правительств стало более активным и агрессивным. Это нашло отражение и во внутривнутриполитической коммуникации применительно к языку. В становлении содержания коммуникационных режимов в Эстонии и Латвии (в меньшей степени – в Литве, учитывая этнический состав) были «языкопоклонство», «языкоцентризм», «угрозы национальному языку». Национальные языки надо защищать и укреплять в ущерб всем другим языкам, в том числе законодательно. Появились языковые комиссии, которые проверяли уровень владения языком, штрафы или за его неправильное использование или неиспользование его в сфере публичной коммуникации. В Латвии был установлен лимит на радиовещание на языках стран, не входящих в ЕС.

С 2014 года в Латвии, Литве и Эстонии стало проявляться более агрессивное внешнеполитическое позиционирование. Россия стала восприниматься как главный вызов. Состояние гиперконфликтной коммуникации привело к тому, что языковая политика стала вступать в конфликт с потребностью использования русского языка во внешнеполитической деятельности. Что я имею в виду? Возникла идея создания общеприбалтийского канала на русском языке. Это идея, которую в Латвии, Литве и Эстонии пытались «продавать» европейцам. Но, поскольку денег не нашлось, эстонцы пошли своим путем и создали ETV+. Российским каналам он в плане качества и масштаба производства кинопродукции, ток-шоу, конечно, проигрывает. Поэтому мы видим, что задачи сократить все пространство русскоязычной коммуникации уже нет. Поставлена задача захвата пространства русскоязычной коммуникации, которая остается так или иначе и в Латвии, и в Литве, с помощью своего содержания, своих нарративов, создания «правильных» русскоязычных каналов в Латвии, «правильных» радиостанций. Возникла LSM – «правильная» популярная радиостанция на русском языке, куда ходит весь политический бомонд, учредителем которой является Министерство юстиции Латвии. Для русских на ломаном русском языке националисты из партии «Национальное объединение» что-то объясняют.

Был такой тезис: «Мы теперь конкурируем с Россией и за русский язык. Русский язык – это не язык Путина, мы не готовы отдать его Путину». Они говорят, что борются со всем «русским», но «неправильным русским», «путинским русским». Естественно, все это подается с особым политическим содержанием.

Если остановиться на сегодняшних коммуникационных режимах, то следует отметить, что есть что-то для «своих русских» и что-то – для внешнего потребления, то есть для россиян, для «правильных» русских, которые приезжают для оппонирования нынешней власти. Этот проект ориентирован, с подачи прибалтийских властей, на создание благоприятных условий для иных проектов, например, для иноагентов «Медуза», «Инсайдер», которые зарегистрированы в Риге.

Есть внутренняя коммуникация, есть внешняя. Если мы берем за критерий отношение к русскому языку, то для тех, кто принадлежит к юрисдикциям Латвии, Литвы, Эстонии – это сужение, неправильное информирование. То есть для внешнеполитического использования русский язык в прибалтийских странах вполне приемлем.

Позиция прибалтийских властей заключается в том, что они готовы создавать именно свои каналы и будут делать вещание для российского приграничья, Псковской области. Такие проекты обсуждались, но потом из-за недостаточного финансирования развиваться дальше не стали. Они готовы пускать оппозиционно действующие к российской власти проекты на свою территорию, готовы информировать тех, для кого потреблять информацию на русском языке удобнее и привычнее, информировать «правильно». Поэтому и возникла такая любопытная дихотомия в отношении языка.

Обсуждение результатов исследований (Воротников В.В.)

Акторами коммуникационных режимов являются не только власть, СМИ, общественные организации, но и ученые, преподаватели высшей школы. Академическая и научная дипломатия – это относительно не политизированный канал коммуникации между российским и западным сообществом. Хотя в общей сложности проблемы, конечно, здесь есть, и они большие.

Академические коммуникации с учеными из всех трех прибалтийских стран имеют одну особенность – сложность установления контактов. Например, в нашем проекте, посвященном стратегическим культурам стран Скандинавско-Балтийского региона,

то есть и Прибалтики, и Северной Европы, из 55 приглашенных к интервью лишь 10 дали согласие. Но, несмотря на это, потенциал академического сотрудничества есть и его надо развивать. Сегодняшняя дискуссия – пример этому и важный шаг для поиска общих взглядов и позиций.

При анализе коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии следует избегать некоторых ошибок, которые допускают многие ученые, анализирующие эти страны.

Во-первых, это недооценка роли стран Балтии и их самостоятельности в отстаивании своей позиции. Так, «Балтийский корпус» в США представляет собой более восьмидесяти человек – представителей Конгресса США. Более восьмидесяти статусных американских политиков, около 15% от всего состава американского представительного органа, являются представителями «Балтийского корпуса». Любой избиратель, у которого есть «прибалтийская прошлое», может к ним прийти и озвучить свою позицию. В США примерно 700 тыс. литовцев и примерно 100 тыс. латышей. Огромная цифра. Литовцев по миру почти полтора миллиона человек, и у них есть мощный лоббистский ресурс не только в США, но и в ЕС, и в Великобритании.

Еще важный момент, касающийся значимости Латвии, Литвы и Эстонии. Представители этих стран рассматриваются на Западе как главные специалисты по России. Несмотря на то, что многие из них не бывают в России и, кажется, вообще не анализируют источники на русском языке, авторитетные исследовательские центры США и ЕС цитируют именно их и приводят именно их аргументы в подтверждение своих выводов.

Во-вторых, при исследовании коммуникационных режимов важно понимать, на кого ориентированы коммуникационные продукты. Есть разные типы дискурсов и, соответственно, разные объекты и субъекты этих дискурсов. Если мы говорим о политическом дискурсе, то он определен политическими элитами, и для политической карьеры необходимо признать господствующую идеологию и соответствующие нормы и правила коммуникационного режима. Содержательно этот дискурс, как было отмечено в докладе НИИРК, действительно недружественен России. Если мы говорим о других типах дискурсов, то там все сложнее – там разные содержательные линии. Молодежь социализирована в новых условиях, и латышские, литовские эстонские учебники истории показывают, что их авторы уже выиграли идеологическую войну и молодежь воспитана соответствующим образом. Люди от 20 до 40 лет верят в то, во что играют. Они воспитаны на идеологии оккупации, на том, что Россия – это враг. Поколение 45+

еще играет в эту игру; они подстраиваются к разным дискурсам в зависимости от выгодной им ситуации.

Тематика русофобии в последнее время актуализировалась и во всем ЕС. В Европе присутствует запрос на русофобию, и страны Балтии обильно удобряют европейское поле русофобии. Кроме того, они иногда формируют нарратив, который навязывают своим партнерам. В ближайшее время это может быть еще более актуальным в связи с тем, что в начале 2022 года будет принят Стратегический компас ЕС, потом еще Стратегическая концепция НАТО. В рассматриваемом нами регионе находится Центр передового опыта в области стратегической коммуникации НАТО. Среди его задач – заниматься контрпропагандой, бороться с российской пропагандой, бороться с *toxic narratives, harmful narratives*.

В-третьих, надо учитывать, что вряд ли мы сможем изменить этот антироссийский дискурс, если не найдем правильные каналы информирования. Если пытаться продвигать в информационном поле альтернативный дискурс, направленный на установление диалога и добрососедства, то надо искать каналы, которые интересны обществу рассматриваемых стран, где большая аудитория и заинтересованность. Далеко не все читают как *Baltnews*, так и *Delfi*.

В-четвертых, позитивное отношение к России в неополитизированных группах общества сформируется тогда, когда будет явно выражена перспектива отношений с Россией, привлекательной жизни и работы в России, когда будет понятно, какие конкурентные преимущества дает изучение русского языка. Например, какие перспективы дает обучение в России эстонскому студенту (как в России, так и у себя дома)?

В-пятых, надо признать, что в советское время представления об истории Латвии, Литвы, Эстонии формировались в национальных республиканских академиях наук. В Москве редко кто занимался этими вопросами. Поэтому в 1990-е и в 2000-е годы в России не было специалистов по странам Прибалтики и не было системного представления об истории этого региона. Сейчас есть, но для Латвии, Литвы и Эстонии характерен тот нарратив, который был сформирован ранее, еще в советское время. Но мы верим в силу дипломатии, и прежде всего общественной дипломатии.

Выводы

Результаты исследования Национального исследовательского института развития коммуникаций и позиции, высказанные

участниками научной дискуссии, показывают, что основными характеристиками коммуникационных режимов в Латвии, Литве, Эстонии являются:

- жесткое регулирование всех сегментов коммуникации и содержания информации, в том числе и органов самоуправления (имевших возможность самостоятельного выстраивания контактов, например, в приграничных регионах);
- выборочный контроль участников коммуникации под предлогом обеспечения информационной безопасности, особенно СМИ и НПО;
- стремление к консолидации общества на основе артикулирования угроз национальной идентичности и угроз этнонациональному самосознанию;
- доминирование в информационном дискурсе российской угрозы национальной безопасности;
- сознательная политика сужения русскоязычного информационного, образовательного и социализирующего пространства;
- неполноценная включенность в европейский информационный дискурс и выборочное соблюдение принципов ЕС в отношении коммуникации и информации. Кодекс практик в отношении дезинформации;
- начало уплотнения коммуникационного пространства альтернативными акторами, проявившимися в результате недоверия действующему правительству и в результате невозможности реализовать свои потребности, интересы, права в рамках существующего коммуникационного режима.

Источники

- Бархвостов, П.А. (2021), Переформатирование геополитического пространства и институциональные трансформации (на примере Балтийского региона) // *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 42-57. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-3.
- Волков, В.В. (2012), Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств // *Социологические исследования*, № 4, с. 54-63.
- Волков, В.В., Полещук, В.В. (2019), Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // *Социологические исследования*, № 2 (359), с. 59-67.
- Зверев, Ю., Межевич, Н. (2021), Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // *Международная жизнь*, № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2450>.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), Communication Regimes as a New Scientific Category // *Коммуникология*, т. 8, № 3, с. 43-50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44116350> (на англ. яз.).
- Комлева, В.В. (2021), Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // *Россия и мир: научный диалог – Russia&World: Sc. dialogue*, т. 1, № 1, с. 13-26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
- Комлева, В.В. (2020), Эстония: перспективы консолидации демократии в обществе расколотого доверия // *PolitBook*, № 2, с. 123-145. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44803625>.

- Коэн, Дж.Л., Арато, Э. (2003), Гражданское общество и политическая теория. М: Весь Мир.
- Смирнов, В.А. (2020), Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 26–39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.
- Смирнов, П.Е. (2020), Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века // *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 4-25. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-1.
- Хабермас, Ю. (2000), Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука.
- Apine, I., Volkovs, V. (1998), *Slāvi Latvijā*. Rīga: LZA Filosofijas un socioloģijas institūts.
- Kim, Y.Y. (2006), From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation, *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 25, No. 3, p. 283-300.
- Rawls, J. (2005), *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Rogers, E.M., Hart W.B., Miike Y. (2002), Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan, *Keio Communication Review*, No. 24, p. 3-26.
- Taylor, C. (1994), The Politics of Recognition. – A. Gutmann (ed.) *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, p. 25-73.
- Wirth, L. (1956), *Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth*. Chicago: University of Chicago Press.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-138-161

Communication regimes of Latvia, Lithuania and Estonia: scientific discussion

Vladislav V. Volkov

Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia (Riga, Latvia)

Vladislav V. Vorotnikov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Russian Foreign Ministry (Moscow, Russia)

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Andrey D. Starikov

Baltnews News Agency, MIA «Russia Today» (Moscow, Russia)

Abstract: The materials of the scientific discussion contain basic ideas, pronounced by Russian and foreign participants in the International scientific discussion on the subject of “Communication regimes in Latvia, Lithuania and Estonia”. The discussion was held by the National Research Institute of Communication Development (НИИРК). The Study of communication regimes, held by НИИРК based on author's methods revealed the following in Latvia, Lithuania and Estonia: rigid regulation of all segments of communication and information content, bodies of self-government included (having the opportunity to align

contacts independently, for example, in the border areas), control over the communication participants taken at random, under the pretext of providing informational security, especially mass media and NGO; strive for the consolidation of the society on the basis of articulating of threats to the national identity and threats to ethnic national self-consciousness; dominating of the Russian threat to national security in information discourse; conscious policy of narrowing the Russian language informational, educational and socializing space; incomplete inclusion in the European information discourse and selective compliance with the principles of the EU relative to communication and information (codex of practices relative to misinformation); the beginning of the compaction of communication space by alternative actors, who appeared as a result of mistrust for the acting government and as a result of impossibility to realize their needs. In the course of the debates it was discussed: institutionalization of the countries communication regimes: role of historically shaped and contemporary practices in Latvia, Lithuania, Estonia; actors models of communication regimes in Latvia, Lithuania, Estonia; role of political institutes, mass media, institutes of civil society and business in shaping communication regimes; peculiarities of communication regimes relative to separately taken groups of the population, mass media, neighboring countries.

Keywords: communication regime, political communications, Latvia, Lithuania, Estonia, information security, information policy, mass media space, historical trauma

About authors:

KOMLEVA Valentina V. Doctor of sociological sciences. Deputy director on scientific work of the National Research Institute of Communication Development; Chief of the Department of foreign regional studies and international cooperation of the Russian academy of national economy and public administration under the President of RF. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: 119571, Russian Federation, Moscow, Korobeinikov per, 22/1, komleva@nicrus.ru.

VOLKOV Vladislav V. Doctor of Sociology. Leading researcher. Institute of philosophy and sociology of the University of Latvia. ORCID: 0000-0001-9593-2641. Address: LV-1050, Latvia, Riga, Kalpaka bul., 4, vladislavs.volkovs@inbox.lv.

VOROTNIKOV Vladislav V. Candidate of historical sciences. Director of the European Research Centre of the Institute of international research Moscow state Institute of International relations (MGIMO-University) Ministry of Foreign Affairs of Russia; Head of the Centre of the Baltic sea area research, Institute of Europe of the Russian academy of sciences. ORCID ID: 0000-0003-3374-5677. Address: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo prospect, 76, vorotnikov.vladislav@gmail.com.

STARIKOV Andrei D. Editor in chief of the Information Agency Baltnews, МИА «Россия сегодня». Address: 119021, Russia, Moscow, Zubovsky bul., 4, C. 1, 2, 3, info@baltnews.It.

References

- Barahvostov, P.A. (2021), Reformatting the geopolitical space and institutional transformations (by example of The Baltic Sea area space), *Baltic Region*, Vol. 13, No. 3, p. 42-57. doi:10.5922/2079-8555-2021-3-3 (in Russian).
- Volkov, V.V. (2012), Integration of the society in Latvia: position of ethnic minorities, *Sociological research*, No. 4. P. 54-63 (in Russian).
- Volkov, V.V., Poleshchuk, V.V. (2019), The Current State of Interethnic Communication in Latvia and Estonia, *Sociological research*, No. 2 (359), p. 59-67 (in Russian).
- Zverev, Yu., Mezhevich, N. (2021), Challenges of regional security: the Baltic vector, *International Life*, No. 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2450> (in Russian).
- Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2020), Communication Regimes as a New Scientific Category, *Communicology*, Vol. 8, No. 3, p. 43-50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44116350> (in English).
- Komleva, V.V. (2021), Country's communication regime as social political phenomenon, *Russia & World Sc. dialogue*, Vol. 1, No. 1, p. 13-26. URL: <https://doi.org/1053658/RW2021-1-1-13-26> (in Russian).
- Komleva, V.V. (2020), Estonia: prospects of consociational democracy in the society of split trust, *PolitBook*, No. 2, p. 123-145. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44803625> (in Russian). http://politbook.online/images/pdf/Polibook2020_Issue_2.pdf (in Russian)
- Cohen, J., Arato, A. (2003), Civil society and political theory. M.: The whole World (in Russian).

- Smirnov, V.A. (2020), Transformation of political elites of the countries in the Baltic sea area: general and specific, *Baltic Region*, Vol. 12, No. 3, p. 26-39. doi: 10.5922/2079-8855-2020-3-2 (in Russian).
- Smirnov, P.E. (2020), Evolution of political priorities of the USA in the region of the Baltic sea area in the second decade of the XXI century, *Baltic Region*, Vol. 12, No. 3, p. 4-25. doi: 10.5922/2079-8855-2020-3-1 (in Russian).
- Habermas, J. (2000), Moral consciousness and communicative action. SPb: Nauka (in Russian).
- Apine, I., Volkovs, V. (1998), *Slāvi Latvijā*. Rīga: LZA Filosofijas un socioloģijas institūts.
- Kim, Y.Y. (2006), From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation, *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 25, No. 3, p. 283-300.
- Rawls, J. (2005), *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Rogers, E.M., Hart, W.B., Miike, Y. (2002), Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan, *Keio Communication Review*, No. 24, p. 3-26.
- Taylor, C. (1994), The Politics of Recognition. – A. Gutmann (ed.) *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, p. 25-73.
- Wirth, L. (1956), *Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth*. Chicago: University of Chicago Press.